

Цинь Хуайюань молча смотрел на собственную дочь. Он чувствовал, что никогда по-настоящему не знал свою дочь до сих пор. Она была цветочным семенем, которое было вырвано из теплой теплицы и изо всех сил пыталось выжить в трещинах валунов. Не имея ничего, кроме чистой упрямой воли, она выдержала избиение стихий и расцвела в самый красивый цветок. Сколько бы он ни смотрел на нее, с каждым разом он все более поражался тем глубинам, которые находил в ней. Всегда учится, всегда совершенствуется, всякий раз, когда он был в восторге от познания ее новой стороны, проходило совсем немного времени, как она демонстрировала ему совершенно новую свою сторону.

По сравнению с типичными благородными дочерьми, воспитанными во внутренних домах, ее мудрость, мужество, способности и методы оставляли их далеко позади. С ее силой духа не могли сравниться даже многие благородные сыновья. Она одновременно стала его величайшим источником гордости и величайшим источником вины. Сколько боли пришлось вынести девушке, которая еще не достигла совершеннолетия, чтобы обладать силой духа и смотреть на бедствия такого масштаба с полной невозмутимостью? Сколько лет ее жизни было настолько жестокими, что она смогла так решительно принять свою судьбу?

Как этот ребенок может быть таким зрелым и привлекательным? Цинь Хуайюань протянул руку через квадратный стол, чтобы грубо взъерошить волосы Цинь Инин. Его голос был немного хриплый. "Это я во всем виноват."

- Что ты хочешь этим сказать, отец?" Цинь Инин широко распахнула свои большие прозрачные глаза. - Это не твоя вина, отец! Совсе нет! Я знаю, что ты бы не взял меня с собой, если бы у тебя был хоть малейшее слово. Императорский указ снизошел, и отец не может бросить ему вызов, чтобы спасти меня. Ты не только мой отец, но и патриарх всего клана Цинь. То, что случилось с герцогом Динь и его семьей, не может случиться с нами.

"Я-дочь великого наставника. Поскольку я пользуюсь благами и преимуществами этого титула, я также должен нести свою долю бремени во время кризиса. Каким бы я была членом семьи, если бы разделяла только радость, а не боль? Если бы это действительно было так, то я бы не была достойна быть дочерью отца."

"Правильно, ты говоришь правильно!" в глазах Цинь Хуайюань стояли слезы. Проведя столько лет при дворе, он думал, что его чувства уже давно превратились в старый кожаный ботинок. Но сегодня, на этом месте спокойные слова дочери один за другим разбивали его сердце. Он откинул голову назад и быстро заморгал, выгоняя слезы. Спустя мгновение, он опустил голову и отчасти восстановил свою обычную манеру поведения. Он вздохнул. "Дочь Инин, независимо от того, насколько смиренно ты воспринимаешь эту ситуацию, я останусь обязан тебе. Пообещай мне это. Что бы ни случилось в будущем, ты продолжишь жить с гордо поднятой головой."

Он больше всего беспокоился, что такая невинная девушка, как она, совершит самоубийство после унижения.

- Ну конечно! Я люблю жить и больше всего боюсь смерти." Цинь Инин знала о переживаниях своего отца и улыбнулась. "В конце концов, я прошла через множество испытаний, чтобы сохранить себе жизнь и я ни за что не соглашусь потерять ее!"

"Хороший ребенок." Цинь Хуайюань увидел ее искренность; она говорила это не просто, чтобы подбодрить его. Она действительно приняла это со своим обычным спокойствием. Он, наконец,

почувствовал, что его тревога немного улеглась. Возможно, спокойное и собранное отношение Цинь Инин было заразительным. Что бы это ни было, тугой узел в его сердце, который удерживал его от четких мыслей всю ночь, наконец, немного ослаб.

Цинь Инин пробыла еще некоторое время с отцом прежде чем уйти и вернуться в почетный учебный зал. Между тем, Цинь Хуайюань вспомнил, что сделали и что говорили шестая мисс и Цинь Хуэйнин. Он решил заступиться за Цинь Инин. Он задумался на мгновение и отправился к старой вдове в сад благочестия.

Когда Цинь Инин, наконец, вернулась в свою резиденцию, Бинтан и Сонланг с трудом подавляли слезы. Стоя во внешней комнате, они отчетливо слышали разговор Цинь Инин и Цинь Хуайюаня. Эти двое были тронуты семейной любовью между ними и в страхе перед спокойствием их госпожи. Но сильнее всех чувств в их сердцах бушевала ненависть и ярость.

"Разве император не достаточно зла сделал моей семье? Вреда невинным было недостаточно, и теперь он добрался до вас, мисс!" Бинтан захлебывалась рыданиями, резко смахивая слезы со своих щек. Ее лицо опухло от рыданий.

"Тише, здесь и у стен есть уши." Цинь Инин мягко протянула ей платок.

"Я не единственная, кто проклиняет его имя. Этот старый монстр должен был умереть давным-давно!" Бинтан вспоминала, сколько усилий потратила продумали Цинь Инин сделал для нее и при этом ни разу не потребовала часть с продажи ее мазей и порошков. Наоборот, она делала все возможное, чтобы увеличить доход. Ее хозяйка отдала ей часть подарков, которые прислали семьи чиновников и всегда оказывала должное уважение.

Такой честный и добрый человек теперь будет игрушкой для старого развратника из-за одного слова этого поганого императора! Почему бы ему просто не подавиться едой и водой и не умереть!?

Сонланг, Цюлу, матушка Чжун - все плакали от горя. Такие настроения не прошли даром и для Цинь Инин. Было бы ложью сказать, что она не боялась, или что она не находила это совершенно несправедливым. Просто она видела слишком много тьмы в этом мире. Когда кто-то провел достаточно времени, борясь на дне, он научится принимать свою судьбу и бороться с ударами судьбы. Так как она не могла изменить этот поворот судьбы, было бессмысленно дрожать в страхе. Что ей нужно было сделать сейчас, так это выяснить, как прожить переговоры, а затем остаток своих дней.

Когда ее слуги увидели свою госпожу такой спокойной, они тоже вытерли слезы. Было бы плохо продолжать поднимать такой шум перед ней. Бинтан высморкалась и, наконец, вспомнила, какое поручение было ей дано. Она потянула Цинь Инин за угол. - Мисс, джентльмен из гостиницы прислал сегодня письмо, в котором сказал, что ты не посещала его слишком долго. Он говорит, что ты не относишься к нему искренне. Он спрашивает, не забыла ли ты, что он спас тебе жизнь, и планируешь и дальше просто игнорировать его."

Цинь Инин неловко улыбнулся. Она не забыла о Яо Чжиси, но из-за ситуации, связанной с ее матерью в последние дни, у нее не было никакого настроения. Внутренние дела резиденции занимали ее от рассвета до заката. Бинтан продолжала каждый день навещать Яо Чжиси, а Цинь Инин просто справлялась с ней о его здоровье, но у нее не было и мысли нанести ему визит.

- Ну что ж, я все равно должна его навестить, - сказала она, немного подумав. "Я отправляюсь шестнадцатого, это примерно через девять дней. Я не знаю, появятся ли у императора какие-

нибудь другие планы. К тому же, сегодня у меня есть свободное время и могу воспользоваться сегодняшним днем, чтобы попрощаться с ним.”

В данной ситуации слово «прощание» выглядело особенно печально, поэтому Бинтан молча кивнула и велела слугам приготовить карету.

Панг Сяо целенаправленно принял душ сегодня, чтобы переодеться в белые одежды из слоновой кости. Он сидел на кровати у окна и читал книгу. Его поза была прямой, и каждая йота его разума была сосредоточена на том, что было перед ним.

Но при этом за все утро он не перевернул ни страницы.

Когда Хузи проскользнул в комнату с чаем и водой, его лицо почти застыло от улыбки. Его учитель мастерски показывал джентльменские манеры, но его разум явно отправился в причудливое путешествие. Если четвертая Цинь сегодня не придет, его мастер, вероятно, сойдет с ума!

Как только Хузи задумался о будущем здравомыслии своего господина, принц внезапно вскочил на ноги. Секунду спустя, снаружи раздались шаги и женские голоса. Хузи вздохнул и приготовился к встрече новых гостей. Краем глаза он заметил, как хозяин нарочно изобразил беспечную позу на кровати.

Охранник молча закатил глаза и открыл дверь. "Вы здесь, пожалуйста, проходите. Он поклонился, скрыв улыбку.

"Ваш мастер чувствует себя лучше? Цинь Инин кивнула охраннику.

"Навыки мисс Картофель удивительны. Моему хозяину намного лучше." Хузи ответил весело.

"Ты сам и есть картофелина!" в ярости топнула ногой Бинтан. "Предупреждаю тебя, дорогуша, сегодня я очень зла. Я буду кричать на тебя, если ты снова назовешь меня картошкой!"

"Хех! Ты назвала меня дорогушей!" Хузи высунул язык Бинтан. "Итак, за что же ты будешь кричать на меня, маленькая картошка!?"

Яблочные щечки Бинтан вспыхнули ребяческим гневом. Ее большие глаза яростно посмотрели на Хузи, когда она выхватила серебряную иглу, готовую ударить его. Хузи чувствовал себя невероятно комфортно, когда на него так смотрели, его улыбка расширилась при виде служанки, которая так кипела от негодования, что скоро из ее ушей должен был повалить дым.

Когда Бинтан вместе с Хузи прошла внутрь, Цинь Инин посмотрела на Сонланг и Цюлу. Четвертая мисс Цинь улыбнулась. "Подождите меня снаружи."

"Хорошо. Горничные поклонились и отступили.